

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Политические процессы в России в преддверии революции 1917 года. (Сводный реферат).....	9
Экономическое положение России накануне революции 1917 года. (Сводный реферат)	21
<i>Ливен Д.</i> Конец царской России: Марш к Первой мировой войне и революции. (Реферат)	34
<i>Санборн Дж.</i> Грандиозный апокалипсис: Великая война и гибель Российской империи. (Реферат).....	43
Империя и национализм на войне. (Реферат).....	50
<i>Рига Л.</i> Большевики и Российская империя. (Реферат).....	61
Концепция русской революции в трудах В.П. Булдакова. (Сводный реферат).....	65
<i>Чиннелла Э.</i> 1917: Россия на пути в пропасть. (Реферат).....	83
<i>Стейнберг М.Д.</i> Русская революция, 1905–1921. (Реферат).....	94
<i>Кенкер Д.П., Розенберг У.Г.</i> Стачки и революция в России, 1917. (Реферат)	107
Образы российской власти эпохи войн и революций в трудах Б.И. Колоницкого. (Сводный реферат).....	119
<i>Медушевский А.Н.</i> Политическая история русской революции: Нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. (Реферат)	143
<i>Палмер Б.Д., Сангстер Дж.</i> Особое наследие 1917 года: Возвращение к жизни «большой длительности» революции (Реферат)	150
Критический словарь русской революции: 1914–1921. (Реферат)	158
Публикации журнала «Kritika» в преддверии столетия революций 1917 года. (Сводный реферат).....	172

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исторические юбилеи всегда были той точкой, в которой сходятся интересы государства, использующего празднества в качестве важнейшего инструмента символической политики, и исторической науки. Для представителей научного сообщества круглая дата какого-либо важного события – прежде всего повод высказаться и быть услышанными, благо юбилейные мероприятия – конференции, круглые столы, выставки и издательские проекты – создают прекрасную для этого возможность. Разумеется, юбилеи порождают и вал околоисторической литературы, да и просто целый ряд текстов, написанных «по случаю» и «для галочки». Тем не менее при всей своей специфике, не располагающей к беспристрастности, юбилейные торжества обладают несомненным стимулирующим эффектом для профессионалов, создавая условия для подведения каких-то научных итогов, переоценки устоявшихся представлений, наконец, для выработки некой новой концепции, которая отвечала бы на «запросы времени».

При этом помимо узконаучных задач перед историками стоит и проблема согласования своих построений и выводов с целями «политики памяти» государства, заинтересованного в такой модели исторического прошлого, которая способствовала бы консолидации общества на тех или иных основаниях. Задачи такого рода с разной степенью успешности решаются историками всех стран и по разным поводам, однако нигде проблема выработки «консенсусальной» модели какого-либо исторического события не ставится столь прямолинейно, как в современной России, и нигде она не стоит так остро. Не является в данном случае исключением и 2017 год, обнаживший неготовность и государства, и общества, и науки к формулированию ясной и тем более консолидированной позиции в отношении революционных событий, в огне которых сто лет назад зародилось Советское государство.

Начать с того, что на сегодня консенсус отсутствует даже в терминологии. Советские термины «Февральская буржуазно-демократическая революция» и «Великая Октябрьская социалистическая революция» начали отторгаться обществом в годы Перестройки. На волне разоблачительных и острокритических публикаций в научный обиход вошли бытовавшие в эмигрантском дискурсе представления о «стихийном» Феврале и «октябрьском перевороте», а также принятый за рубежом собирательный термин «Русская революция», объединяющий в себе «демократический Февраль» и «Красный Октябрь». За прошедшие с тех пор три десятка лет неопределенность сохранялась, что было обусловлено, с одной стороны, явным спадом исследовательского интереса к 1917 году как в России, так и за рубежом, с другой – отсутствием внятного идеологически обоснованного вектора развития страны.

И потому нет ничего удивительного в том, что предложенный не так давно Институтом российской истории РАН термин «Великая российская революция» (по аналогии с Великой французской революцией) пока не получил признания в научном сообществе. Симптоматично также, что он не нашел отражения и в названии «Организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 100-летию Революции 1917 года в России», хотя и был взят этим комитетом на вооружение. Ожидается, что обширная программа юбилейных мероприятий принесет богатые плоды в виде новых публикаций и концепций, которые, наконец, помогут выработать более или менее целостный взгляд на «проблему 1917 года».

Тем не менее определенный задел в этом отношении уже создан, отчасти благодаря широкому празднованию юбилея Первой мировой войны, тесно связавшейся в современном сознании с распадом империй и революционными потрясениями. Многие из вышедших за последние несколько лет работ представляют несомненный интерес. Собранные воедино в настоящем сборнике, они дают представление о новых подходах, вырабатывавшихся историками после окончания холодной войны, о тематических предпочтениях и о тех лакунах, которые только предстоит заполнить.

Сборник организован по проблемно-хронологическому принципу. Открывает его подборка материалов, посвященных «преддверию революции». Внутриполитическая обстановка обрисована в сводном реферате, подготовленном В.М. Шевыриным. В него включены две публикации: в монографии Ф.А. Гайды рассматривается политический кризис, завершившийся падением само-

державия; дополняет и в чем-то конкретизирует картину книга В.В. Шелохаева о партии кадетов. Экономическое положение России в 1914–1917 гг. освещается в сводном реферате, в который вошли книги Т.М. Китаниной и В.В. Поликарпова (авторы В.М. Шевырин, И.К. Богомолов). Геополитический контекст, учитывающий роль Первой мировой войны в падении Российской империи, представлен в реферате на книгу британского историка Доминика Ливена (автор – И.К. Богомолов).

Несколько материалов, помещенных далее (рефераты подготовлены О.В. Большаковой), объединяют исследовательский подход, основанный на так называемой «имперской парадигме», и нелинейный взгляд на соотношение империи и национального государства, которое прежде считалось следующей ступенью исторического развития. Эта проблема подробно рассмотрена в сборнике «Империя и национализм на войне», в котором такие события, как Первая мировая война, распад континентальных империй и революции в Евразии, связываются воедино, что позволяет говорить о кризисе 1914–1921 гг. как целостном явлении. В книге американского историка Дж. Санборна «Грандиозный апокалипсис» представлена авторская концепция распада Российской империи, который он считает составной частью процесса деколонизации Восточной и Юго-Восточной Европы. К этим материалам примыкает работа британской исследовательницы Лилианы Рига, посвященная изучению национального состава партии большевиков в контексте многонациональной империи.

Столь же широкий в географическом и хронологическом отношении взгляд отличает концепцию «Красной смуты» В.П. Булдакова, в которой большое внимание уделяется психологическим и этническим факторам революционного кризиса. В сводный реферат, подготовленный В.М. Шевыриным, наряду с известной книгой, впервые изданной в 1997 г., вошла монография, посвященная этническим аспектам революции.

В книге итальянского историка Э. Чиннеллы «Россия на пути в пропасть» обрисован общий ход революционных событий начиная с 1905 г. до окончания Гражданской войны. Реферат на нее, написанный В.П. Любиным, дает представление о явно недостаточно известной в нашей стране итальянской русистике.

Приблизительно тех же хронологических рамок придерживается американский историк Марк Стейнберг в своей монографии, в которой, однако же, отсутствует традиционное повествовательное изложение. С одной стороны, автор в традициях социальной исто-

рии концентрирует свое внимание на «опыте революции» и рассматривает ее с точки зрения переживших ее людей, с другой – подключает достижения новой культурной истории, позволяющие обратиться к эмоциональному и семантическому содержанию наиболее значимых для эпохи понятий – таких, как «свобода», «неравенство», «личность» (реферат написан И.К. Богомоловым).

Особое место в сборнике занимает монография Дианы Кенкер и Уильяма Розенберга, посвященная забастовкам марта–октября 1917 г. (автор реферата – О.В. Большакова). Впервые изданная в 1989 г., книга является примером достижений «ревизионистской» социальной истории, показавшей активность масс в революционном процессе. Возвращенная издательством Принстонского университета в научный оборот, работа американских историков позволяет несколько сбалансировать «консервативный крен», утвердившийся в исследованиях русской революции в 1990–2000-е годы.

Как известно, главный вопрос всякой революции – это вопрос о власти. В сводном реферате о репрезентациях власти в революционную эпоху он освещается на материале трудов Б.И. Колоницкого (авторы – С.В. Беспалов и О.Л. Александри). Исследование восприятия монаршей власти и затем – формирования культа А.Ф. Керенского, фактически первого «вождя» в истории России, серьезно углубляет наше понимание как причин революции, так и ее хода.

В обобщающем труде А.Н. Медушевского (реферат написан М.М. Минцем) революция рассматривается как длительный процесс. Книга охватывает весь советский период, прослеживая изменения «коммунистического мифа» вплоть до конца XX в. Итоговый характер носит реферат статьи, помещенной в ежегоднике «Socialist register» к столетию 1917 г. (автор – И.К. Богомолов). В ней анализируются историческое значение русской революции и ее влияние на мировое коммунистическое и социалистическое (левое) движение с 1917 г. до настоящего времени.

Историографическим проблемам посвящены два последних материала. Реферат, написанный И.Е. Эман, представляет вниманию читателя явно запоздавшее, но в историографическом плане важное издание – «Критический словарь русской революции». Задуманный как консолидированный ответ зарубежных и российских историков на известную книгу Р. Пайпса, том вышел в Лондоне, Сиднее и Нью-Йорке в 1997 г. Он сконцентрировал в себе достижения зарубежной историографии, прежде всего «ревизионистской» социальной истории, которые были полностью проигнорированы знаменитым консервативным историком-русистом. Русская

версия увидела свет лишь недавно, при этом в крайне неудовлетворительном виде с точки зрения качества как перевода, так и редактуры. Тем не менее мы посчитали необходимым включить эту книгу в сборник, чтобы дать представление читателю о траектории развития историографии 1917 г. в последние полвека.

Второй материал – сводный реферат, подготовленный Ю.В. Дунаевой, – отображает современное состояние исследований 1917 года. Это подборка материалов, опубликованная в американском журнале «Критика» в преддверии юбилея.

О.В. Большакова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (Сводный реферат)

1. *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 604 с.

2. *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. – М.: РОССПЭН, 2015. – 863 с.

Книга канд. ист. наук Ф.А. Гайды состоит из введения, пяти глав («Политическая ситуация в конце 1910 – середине 1911 г. и возможности Третьей системы»; «Политический курс Кокорцова: концепция “примирения” и столыпинское наследие (сентябрь 1911 – декабрь 1912)»; «Формирование альтернативных концепций политического курса (декабрь 1912 – январь 1914)»; «“Либеральная пьеса”: поиски возможностей реального взаимодействия правительства и общественности (январь 1914 – июнь 1915)»; «Бремя Великой войны: власть и общественность в отсутствие конструктивных стратегий (июль 1915 – февраль 1917)») и заключения. Она снабжена обширным списком источников и литературы (архивные и документальные материалы, периодика, научные работы, публицистика, дневники, письма, воспоминания, монографии, статьи, рецензии, справочные издания), списком иллюстраций и указателем имен.

Автор рассматривает следующие вопросы:

- Взаимодействие власти и общественности по важнейшим политическим вопросам времени: о парламентаризме, политических свободах, местном самоуправлении (в его политическом аспекте).

- Выработка и сосуществование альтернативных концепций внутренней политики, происходившие в условиях взаимодействия власти и общественности.

- Осмысление политического настоящего и будущего России и Третьеиюньской системы. Такое осмысление было теснейшим образом связано с перипетиями политического процесса. В рамках Третьеиюньской системы «впервые стало возможно устойчивое и легальное существование политической оппозиции, что оказывало качественное влияние на развитие всего политического процесса» (1, с. 24).

Хронологические рамки работы обусловлены периодом кризиса Третьеиюньской системы. Он начался на рубеже 1910–1911 гг., когда политическая ситуация стала развиваться уже вне непосредственной связи с Первой русской революцией (и обозначился так называемый общественный подъем). В свою очередь, Февральская революция завершила историю Третьеиюньской системы и самодержавно-бюрократического строя в России в целом.

Как полагает автор, российский «обновленный строй» образца 1905–1907 гг. формально был вполне сравним с политическими системами большинства европейских стран и Японии, однако базировался он на гораздо менее прочном социально-экономическом фундаменте. Низкий уровень благосостояния и грамотности населения, слабые традиции самоуправления, ускоренная экономическая трансформация и связанный с этим рост социальных проблем, ярко выраженная полиэтничность становились основными факторами риска Российской империи в мирное время. Мировая война лишь усугубляла их. Необходимость взвешенной политической стратегии была крайне высокой, что обостряло полемику о ее содержании. Неразвитая политическая культура элиты стала причиной некоторых специфических черт этой полемики – ее безапелляционности, а зачастую и поверхностности с явными признаками демагогии. Однако основная проблема заключалась не в том, что участники полемики пребывали в несводимых политических измерениях. Как показывал повседневный политический опыт, при желании они вполне умели сговариваться. Речь скорее шла о нежелании соотносить собственные корпоративные интересы с интересами общенациональными.

Политические изменения, произошедшие вследствие Первой русской революции, неизбежно выдвигали вперед две силы – бюрократию и класс профессиональных политиков. Основными субъектами политической ситуации с 1907 г. выступали правительство

Столыпина и доминировавшие в Думе октябристы. Влияние императора на развитие событий было скорее эпизодическим и в целом направленным на сохранение существовавшего положения.

Столыпин – главный творец Третьеиюньской системы – рассматривал ее как инструмент политического взаимодействия власти с социальными верхами и «цензовой общественностью» с целью ускорения социально-экономического развития и предотвращения революционной угрозы. При этом он считал необходимым постепенное расширение социальной базы политического строя. Октябристы, декларативно разделявшие взгляды Столыпина, в целом не сочувствовали тенденции расширения, поскольку в основном опирались на дворянские слои. Кроме того, октябристы рассчитывали на усиление позиций партии за счет парламентских рычагов контроля над правительством, что, в свою очередь, не устраивало Столыпина.

Правительство, как и оппозиция, держало курс на политическую европеизацию – но в консервативном ее варианте. Либеральная оппозиция (в первую очередь кадеты) настаивала на создании в России европейской модели будущего, которая даже на Западе существовала пока лишь как проект. Правительство, наоборот, ориентировалось на уже существовавшие модели (преимущественно германскую). Но парламентская оппозиция не могла противопоставить власти сколько-нибудь развернутую законодательную программу – как по причине малочисленности разработанных законопроектов, так и в силу непреодолимых противоречий между фракциями. По мере развития политической ситуации и расширения кризиса Третьеиюньской системы значение приобретали кадеты, а также – но лишь отчасти – правые в Государственном совете. Кадетская программа предполагала тотальный демонтаж Третьеиюньской системы, ликвидацию административного аппарата империи, введение всеобщего избирательного права и создание парламентарного строя. Отношения кадетов и бюрократического аппарата имели давнюю традицию взаимного неприятия: кадеты давали негативную этическую оценку бюрократии, чиновники считали радикальных либералов неспособными к ответственному поведению. В рамках существовавшего порядка кадеты, не склонные к политическим компромиссам, оставались политическими маргиналами. Стратегией кадетской партии была дестабилизация существовавшей политической системы. М. Вебер оказался прав, когда утверждал, что цели русских радикальных либералов противоречили социальному прогрессу. Кадетские взгляды пользовались

популярностью среди интеллигенции и средних городских слоев, однако их политизация падала почти на всем протяжении рассматриваемого периода. Правые критиковали столыпинскую политику, но фактически не имели сформулированной альтернативы ей. Существенной социальной поддержки такие взгляды не имели; как правило, они также не находили понимания и у монарха, и у бюрократии. «По сути, единственной альтернативой политического развития была столыпинская эволюция Третьеиюньской системы или масштабная социально-политическая дестабилизация» (1, с. 507).

Смена премьера (после гибели П.А. Столыпина этот пост занял В.Н. Коковцов) сама по себе еще не означала неизбежной смены политического курса. Однако принципиальным вопросом политической жизни России стал «вопрос о том, сможет ли правительство сформулировать единую стратегию развития, сохранить инициативу в своих руках, наладить конструктивные отношения с палатами. Дополнительным обстоятельством, обострявшим данную проблему, были предстоящие в 1912 г. парламентские выборы» (1, с. 137).

Коковцов, в отличие от Столыпина, ни в силу личных качеств, ни в силу сохраняемого им поста министра финансов не имел возможности сплотить вокруг себя весь состав правительства. Совет министров был обречен на внутренний конфликт (начиная с этого времени и вплоть до 1917 г. правительство так и не восстановило того единства, которое было ему свойственно в столыпинский период).

Кризис, в значительной степени спровоцированный безучастностью правительства как единой силы, не только ослабил его позиции, но еще и усложнил расстановку сил на политическом поле, привел к активизации ряда радикальных политических сил – как в самом Совете министров, так и среди оппозиции. Сложившаяся к концу 1912 г. ситуация требовала формулирования и реализации целостных концепций дальнейшего развития. От того, кто смог бы предложить такую концепцию, зависела судьба существовавшей политической системы и России в целом (1, с. 225).

Однако серьезно говорить о «революционной ситуации» накануне Первой мировой войны могли лишь наиболее радикально мыслящие политики (левые и правые). «Общественный подъем» не был связан с политизацией общества. Быстрое развитие земства вело к усилению его амбиций и конфликту с властью на хозяйственной почве. Политический кризис имел верхушечный характер и был, прежде всего, связан с отсутствием внятной правительственной политики. К марту 1913 г. политическая ситуация прояснилась: разрозненное правительство и раздробленная Дума были готовы в

отношении друг друга лишь к деструктивному поведению. В правительстве в это время оформились различные точки зрения относительно направления дальнейшего развития.

Если до 1912 г. правительство контролировало политическую ситуацию и могло успешно инициировать реформы (в первую очередь в сфере местного самоуправления), то позднее это было делать все труднее, а с весны 1913 г. борьба различных сил в самом правительстве и противостояние с парламентом сводило все усилия на нет. Именно весной 1913 г. была окончательно исчерпана созданная Столыпиным возможность проведения реформ с опорой на парламентское большинство – далее можно было лишь бороться за ее воссоздание. Решающую роль в этом кризисном процессе сыграло само правительство, выпустившее из рук рычаги политического управления.

Конституционный кризис 1913 г. поставил точку на способностях премьера Коковцова управиться с развитием политической ситуации. Политика равноудаленности от различных противоборствующих сил окончательно провалилась. Оппозиционная активность, в значительной степени вызванная пассивностью власти, довершила дезорганизацию правительства. В создавшейся ситуации в его среде верх взяла тенденция политического лавирования (1, с. 323).

Обстоятельства лета 1915 г. впервые в истории Третьеиюньской системы передавали стратегическую инициативу в руки оппозиции. Стали актуальны вопросы политической реформы и парламентского контроля, решение которых свидетельствовало о степени зрелости цензовой общественности. Лобовая атака на власть была чревата революцией, которая в обстоятельствах мировой войны не могла не закончиться катастрофой (1, с. 413). Летом 1915 г. власть уже сама оказалась под давлением оппозиции и вплоть до революции так и не нашла сил для того, чтобы полностью вернуть себе стратегическую инициативу.

Порожденные войной социальные условия вели к тому, что прежние политические программы оказались неактуальными, а бюрократическая система управления требовала значительного совершенствования и прилива людей «извне». Прагматизм и вытекающее из него всеисилие государственного аппарата в острой кризисной ситуации оборачивались своими изнаночными сторонами. Сказывались врожденные пороки бюрократического управления – инерционность и недостаток политического лидерства. Власть запаздывала с принятием политических решений, что наиболее от-

четливо проявлялось в характере назначений министров и отсутствии правительственного единства. В результате с осени 1915 г. в правящей среде произошло изменение политического поведения: вместо «левых» и «правых» на сцену вышли прагматики-технократы и политики. Первые стремились к политическому соглашению правительства и общества на «деловой» (не политической или надполитической) платформе. Вторые пытались заключить с оппозицией тактический сговор на конъюнктурной почве. Одним из следствий и признаков кризиса управления стало вмешательство в большую политику императрицы Александры Федоровны (хотя его не следует преувеличивать: оно никогда не было решающим). Примирительная политика верховной власти вела к феномену «министерской чехарды»: ее следует признать неудачной попыткой перехода к политическому кабинету. По мере нарастания кризиса усиливалось и внутреннее противостояние в правительственном аппарате, росла неспособность справиться с все более сложными задачами управления и развития. После отставки Трепова в декабре 1916 г. в правительстве был утерян реальный центр принятия решений, что сыграло решающую роль в февральских событиях 1917 г.

Оппозиция осенью 1915 г. оказалась перед дилеммой дальнейшей радикализации или политической гибели. Перманентный кризис Прогрессивного блока был его естественным состоянием. «Штурм власти» стал свидетельством общего коллапса правительства и оппозиции. Вместе с тем, в развитии революционных тенденций роль «штурма власти» оказалась крайне важной. Именно с этого времени революция стала вполне возможной и близкой перспективой. Успех ее зависел от ответного поведения правительства. В конечном счете, оппозиция еще больше, чем правительство, проявила неспособность к прагматическому курсу, к соглашению в условиях военного времени. В то же время непримиримая оппозиция была активна только на базе государственных или активно финансируемых государством учреждений. Выбором оппозиции стала политическая революция под радикально-демократическими лозунгами. В результате Российская империя «оказалась единственной из четырех классических империй Европы, погибших в огне Великой войны, которая рухнула не вследствие военного поражения, а в силу острого и затяжного конфликта внутри ее элиты» (1, с. 512).

Динамичное социальное развитие, масштабность решаемых задач, неизбежность общественно-политических конфликтов тре-

бовали сильной политической воли и – одновременно – скрупулезности при налаживании диалога власти и общественности. Между тем, гибель монархии в конечном счете влекла за собой и гибель всех составных частей элиты, в том числе наиболее мощных – бюрократии и либеральной интеллигенции. «Широкая социальная революция стала непосредственным следствием не наличия тяжелых социальных проблем, а в первую очередь ликвидации государственного механизма их решения» (1, с. 513).

История кадетской партии подробно рассматривается в монографии д-ра ист. наук, профессора В.В. Шелохаева (2), состоящей из введения, восьми глав («Вехи формирования конституционно-демократической партии»; «Программа и организационная структура»; «От штурма к осаде»; «Оппозиция Его Величества»; «Война до победного конца»; «Испытание славой», «Под знаменами генеральской диктатуры»; «Эмигрантское распустье») и заключения. В ней использован широкий круг источников и литературы. Автор освещает вопросы воспроизводства и восприятия либеральных идей, социальную природу партии кадетов, динамику ее численности и состава, территориальное размещение региональных партийных комитетов. Рассматриваются также идейно-теоретические и поведенческие сюжеты: характер и направленность либеральной модели общественного переустройства; разработка политического курса применительно к конкретным ситуациям; думская и внедумская деятельность; взаимоотношения с исполнительной ветвью власти и ее отдельными представителями, с союзниками и с политическими конкурентами. В книге показаны неординарность состава российского либерализма, существование в партии различных течений, роль ее ЦК, ее лидеров в разработке программных документов партии и политического курса, во всякого рода дискуссиях и думских дебатах. Автор анализирует и методы, которые применялись в ходе меняющейся расстановки политических сил в России и в эмиграции.

Шелохаев пишет, что в партию по преимуществу вошла высокооплачиваемая, так называемая цензовая интеллигенция: профессора, приват-доценты, адвокаты, врачи, инспектора народных училищ, преподаватели гимназий, инженеры, редакторы газет и журналов, видные литераторы, ученые. Значительная часть интеллигенции, как правило, сочетала занятия чисто интеллектуальным трудом с активной общественной деятельностью в земском и городском самоуправлении и управлении, занимая нередко оплачиваемые должности. Многие интеллигенты владели земельной соб-

ственностью, имели недвижимую собственность в городах, имения в сельской местности. В кадетскую партию вошла и «деловая» интеллигенция, тесно связавшая свою судьбу с крупной капиталистической собственностью: директора и управляющие банков, высокооплачиваемые инженеры, юрисконсульты, члены правлений промышленных и торговых обществ, банков и т.д.

В отличие от партий революционного типа (эсеры и социал-демократы), в основе идеологии и программы кадетской партии лежало представление о возможности мирной трансформации существующих общественных отношений на базе принципиально новой модели переустройства России. В качестве «основного рычага» достижения своих целей кадеты предполагали использовать общественное мнение.

Кадетские интеллектуалы создали рациональную модель перехода России к гражданскому обществу и правовому государству, отвечавшую объективным потребностям ее экономического развития на ближайшую историческую перспективу. В работе отмечается, что «кадетская партия выражала интересы общенационального развития страны, а не узкоклассовые интересы российской буржуазии» (2, с. 128). По мнению автора, последовательность разделов программы свидетельствовала о том, что в ее основание был положен базовый либеральный принцип – права и свободы человека и гражданина. В программе нашли выражение ведущие тенденции общемирового развития начала XX в. Автор полагает, что ее можно рассматривать как своеобразный идеологический продукт, который должен был способствовать «перенастройке» общественного мнения страны в направлении постепенного перехода к новым формам мышления и восприятия динамично меняющейся реальности. Она должна была способствовать и перестройке массового сознания, его «очистке» от традиционных форм разрешения политических и социальных конфликтов методами прямого насилия, «обеспечить партии лидирующие позиции в политической борьбе и мобилизовать вокруг нее широкие круги приверженцев» (2, с. 107). Автор полагает, что это была и программа переходного типа: кадетские теоретики, как показал опыт 1917 г., готовы были пойти на ее пересмотр для ее дальнейшего расширения и углубления, что позволило бы вовлечь в процесс созидания нового многих людей.

Этому же служили стратегия и тактика кадетов. Еще освобожденцы отвергли шиповскую «умеренность и аккуратность» и повернулись лицом к демократии. Они развернули, как пишет Ше-

лохаев, «масштабную агитационно-массовую работу в демократических слоях населения» (2, с. 71). Кадеты рассчитывали, что в их партию «хлынут» записываться «прежде всего рабочие и крестьяне, служащие и демократическая интеллигенция» (2, с. 115–116).

Кадеты не слишком боялись революции, в большой мере потому, что надеялись овладеть ею и перевести на «мирные рельсы». Они отдавали несомненный приоритет ненасильственным средствам борьбы за конституцию, но не исключали возможности, в случае маниакального упрямства самодержавия, повернуть против него Ахеронт. Они принимали политическую революцию (но не социальную). Поэтому в канун революции 1905 г. они «участвовали в ее подготовке» и встали на ее почву (2, с. 85, 465).

Шелохаев находит, что кадетские идеологи имели вполне реальный шанс убедить значительную часть населения страны как в перспективности мирного и законного пути ее преобразования через институт представительной власти – Государственную думу, так и в реалистичности своей партийной программы. Не случайно после поражения Декабрьского вооруженного восстания конституционные иллюзии получили широкое распространение в массовом сознании. По сути, считает автор, «вопрос был поставлен ребром: либо в России действительно восторжествуют идеи конституционализма и парламентаризма, и тогда к кадетам окончательно перейдет лидерство в освободительном движении и они получают вполне реальный шанс прийти к власти, либо правительству удастся удержать свои позиции в “обновленной” России и тем самым не допустить перехода власти к либеральной оппозиции» (2, с. 150). Ответ на этот вопрос должен был дать думский эксперимент.

Победа кадетов на выборах в книге охарактеризована как «беспорный триумф», «очевидный успех» (2, с. 163), связанный не только с тем, что левые партии бойкотировали выборы. По мнению автора, «нельзя сбрасывать со счетов огромную мобилизующую роль кадетской партии». Подлинным «мотором» выборов был их ЦК (2, с. 164). Избирательная кампания стала важным стимулом формирования местных партийных организаций. Во многом благодаря ей численность кадетской партии весной-летом 1906 г. составила более 50 тыс. человек (2, с. 115). Вместе с тем эта кампания выявила и узкие места в деятельности партии. По наблюдению Шелохаева, «кадетам, как и их предшественникам земцам-конституционалистам и освобожденцам, не удалось пустить “корни” в гущу широких народных масс, в российской деревенской глубинке и среди рабочих» (2, с. 165).

Тем не менее кадеты чувствовали себя победителями. Автор освещает их деятельность в Думе, переговоры об общественном министерстве, историю Выборгского воззвания. После роспуска Думы и афронта с «выборгским кренделем» кадеты поправили. Аграрный вопрос, несмотря на их тактику «беречь Думу», спутал их планы и во Второй думе. Третьеиюньский переворот они проглотили молча.

В 1907–1914 гг. кадеты, следуя милюковской формуле «Опозиция Его Величества», пытались, по словам Шелохаева, найти себе место в политической реальности, приспособлялись к ней. Но то, что они вели себя так, «урезали» свои программные требования, вовсе не означало, что «кадетское руководство в перспективе откажется реализовать свою программу в полном объеме» (2, с. 411). Для демократических слоев населения это было неочевидно, и авторитет партии падал, ряды ее таяли. В свою очередь это вызывало тревогу у руководства партии, ибо оно видело хрупкость третьеиюньской системы и не исключало возможность новой революции.

Когда грянула война, кадеты слились в «священном единении» с властью. Многие из них с головой ушли в работу в общественных организациях. Во многом благодаря этому происходило сближение интеллигенции и служащих с партийными функционерами. Однако, как и до войны, им не удалось найти общий язык с рабочими и крестьянами, нейтрализовать идейно-политическое воздействие на них со стороны леворадикальных партий.

Поражения на фронтах и тяготы военного времени вызывали всё большее недовольство. Кадеты наблюдали за этим с тревогой. Инициировали создание Прогрессивного блока, чтобы наладить законодательную работу в Думе и таким образом способствовать установлению социального мира в стране. Автор полагает, что при «определенном раскладе сил» кадеты могли рассчитывать на успех в этой затее. Тем более что они видели: «страна не кадетская». Революции они совсем не хотели. «Уроки 1905 года» были еще свежи в их памяти. Они оказались правее прогрессистов. Милюков говорил тогда, что партия не имеет поддержки в массовом демократическом движении и «не может направлять политический процесс» (цит. по: 2, с. 484). Поэтому и в вопросе о том, надо ли добиваться власти, кадеты «брели розно». Страх перед возможной революционной альтернативой развития парализовал волю ЦК. Только немногие левые кадеты (Н.М. Кишкин и др.) заявляли, что фракция должна думать «и о борьбе за власть» (2, с. 490).

Автор показывает, что накануне Февральской революции кадеты всячески старались ее предотвратить и канализировать массовое народное движение в политическое русло. По определению Шелохаева, «классическим образцом речи, которая предельно остро критиковала правительство, но в то же время избегала призыва к революции, явилось выступление Милюкова 1 ноября 1916 г.» (2, с. 495). Но революция пришла, и для кадетов началось «испытание властью».

Используя огромный предшествующий интеллектуальный опыт теоретиков и идеологов российского либерализма, прежде всего кадетской партии, Временное правительство достаточно оперативно приступило к созданию базовых низовых структур гражданского общества и правового государства. Но последующие события – большевистский переворот и Гражданская война – «не позволили довести этот либеральный эксперимент до логического конца» (2, с. 515).

Кадеты пытались бороться за массы, расширяли свое воздействие на них, но «этого уже оказалось явно недостаточно для утверждения гегемонии в массовом движении» (2, с. 548). Даже на пике политической активности численность партии кадетов не превышала 100 тыс. человек. Смена коалиционных правительств, выступление Корнилова только ослабляли позиции кадетов. Большевики последовательно и упорно готовили общественное мнение к насильственному варианту разрешения общенационального кризиса. В эти дни, констатирует Шелохаев, «среди представителей исполнительной власти не оказалось волевой консолидирующей фигуры, способной объединить антибольшевистские силы, создав мощный “вооруженный кулак”, способный противопоставить себя большевистскому Военно-революционному комитету и Красной гвардии» (2, с. 610). Автор раскрывает глубинные причины поражения ведущей либеральной партии России, указывает на «ее слабую “укорененность” в российской почве; отсутствие массовой поддержки, присущую либеральной интеллигенции подмену активной и целенаправленной деятельности выработкой и принятием бумажных резолюций и постановлений; стремление к созданию глобальных общенациональных моделей общественного переустройства, рассчитанных на разрешение всего круга объективно назревших проблем (политических, социальных, экономических, национальных, конфессиональных и социокультурных) в социуме, раздираемом непримиримыми противоречиями» (2, с. 592).